

17. Американская лесозаготовительная индустрия: планы и проблемы

Он сказал, что съездит ненадолго домой. Он сказал, что думал об этом всю ночь и решил, что ему действительно пора уже повидаться с жёнами, детишками, разобрать почту и другие дела и перенести несколько лодочных походов по Зелёной реке до возвращения к ним. Кроме того, он опасался, что епископ Лав и его поисково-спасательная команда отслеживают его в округах Сан-Хуан и Гарфилд. Он попросил Абцуг и Хейдьюка отложить следующую операцию хотя бы на неделю.

Они позавтракали втроём в кафе «У Мамы». Чрезвычайно экономное заведение — ничего съедобного, однако одно из лучших в Пейдже. Они выпили хлорированный апельсиновый «напиток», съели замороженные блинчики из пакета (клей с ватой) и сосиски с нитратом и нитритом натрия, запив всё это кофе с карболкой. Они сошлись на том, что это был типичный завтрак в Пейдже, и ни капельки не плохой, — он был плох весь целиком. Кроме того, они договорились о своём ближайшем будущем.

Смит совершит свой брачный тур по Юте в четыре сотни миль и исполнит свои супружеские обязанности. После этого они воссоединятся, чтобы осуществить намеченное нападение на Департамент автодорог штата Юта и его последние объекты.

А Бонни и Хейдьюк? Что ж, Джордж признался, что у него есть планы относительно предварительного предбрачного медового месяца в прохладных высокогорных лесах над Большим каньоном, на который Бонни давно уже хотела поглядеть с высоты. Кроме того, он хотел ознакомиться с деятельностью Лесной службы США и лесозаготовительных компаний на плато Кайбаб.

Мужчины скрепили договор крепким рукопожатием, а-ля Меллори и Ирвин на Эвересте'24. Бонни обняла Смита. Они расстались — Смит в своём пикапе направился к Сидар Сити, Баунтифулу и Зелёной реке, Джордж и Бонни в джипе поехали из Пейджа к Скалам Эхо, Мраморному каньону и далее.

Бонни вспомнила своё первое путешествие этим же маршрутом, когда они направлялись в Лиз Ферри и теперь уже ставший историей лодочный поход по каньону. Разве могла она забыть бородатого бездельника на пляже? Пороги и перекаты? Заговор у костра, обретавший плоть и кровь день ото дня и от ночи к ночи там, в докембрийском чреве Земли, всю дорогу от Лиз Ферри до Темпл Барна пляже у балки Разлуки мужчины поклялись в вечном товариществе, скрепив свою клятву бурбоном и кровью, добытой из их раскрытых ладоней с помощью охотничьего ножа Хейдьюка. Бонни, отделившись от них и возлежавшая в своём спальнике в бурьянах, улыбалась, глядя на эту церемонию, но была всё равно принята негласно. У костра под полуночными звёздами родилась в ту ночь Банда гаечного ключа ...

Любовники тем временем проехали ущелье, резко свернули вправо у Горьких ключей и понеслись на север по границе земли навахо к мосту через Мраморный каньон («И этот тоже, когда-нибудь», — пробормотал Хейдьюк) и дальше через Аризона Стрип. Они мчались на запад в джипе Хейдьюка, в виду плато Пария и Алых Скал к долине Хаузрок через красный ад камня и волн жары, мимо ворот в Ранчо Буйволов, вверх по массиву известняка, похожему на кита, что выбросился на берег посреди пустыни. Здесь трудяга-джип преодолел высоту четыре тысячи футов и добрался до жёлтых сосен и зелёных лугов Национального леса Кайбаб.

Как все порядочные туристы, они остановились в Джекоб Лейк, чтобы заправить баки, выпить кофе с пирогом и взять с собою пива. Воздух был сладок и свеж, и пахнул солнцем, сосновой смолой и травой, и был прохладным, несмотря на жуткий зной пустыни, поджидающий внизу. Прозрачные листья осин дрожали в солнечном свете, а белокорые их стволы на фоне хвойных были так похожи на изящных женщин.

От Джекоб Лейк они взяли к югу по дороге, которая оканчивается тупиком у Северного края Гранд каньона. Бонни мечтала о любви, и прекрасных пейзажах, и домике среди сосен; Хейдьюк, тоже романтик и мечтатель, думал, однако, о другом: о мазохистских машинах, об искорёженной, страдающей стали, о железе под неестественным давлением, о разных способах реализации того, что он называл «созидательным разрушением». Тем или иным способом они собирались замедлить, если не остановить, наступление Технократии, бесконечный рост РОСТА, Распространение идеологии раковой клетки. «Я поклялся на алтаре Бога, — орёт Хейдьюк навстречу свистящему ветру (поскольку матерчатый верх его джипа опущен), и моргает, пытаясь вспомнить слова Джефферсона, — что буду вечно бороться против любой чёртовой формы тирании, — излагая их не совсем точно, но абсолютно правильно, — над жизнью мужчины.

— А как насчёт жизни женщины?

— К чёрту женщин, — радостно вопит Хейдьюк. И пора об этом подумать — «И пора об этом подумать, — произносит он, сворачивая с автотрассы на неширокую аллею среди леса, под соснами и трепещущими осинами, незаметную с дороги, — к самому краю солнечной лужайки с разбросанными по ней коровьими лепёшками, — давай!»

Он останавливает джип, глушит двигатель, хватается её и тащит на траву. Она мужественно сопротивляется, вцепляется ему в волосы, рвёт на нём рубашку, пытается всунуть колено ему между ног.

— Ах ты, шлюха, — рычит он, — сейчас я тебя трахну!

— Ага, — отвечает она, — только попробуй, выродок чёртов!

Они катаются по зелёной луговой траве, запятнанной коровами, по опавшим листьям, сосновым иглам, по мечущимся в панике нервным муравьям.

Ей почти удалось вырваться. Но он ухватил её, снова повалил на траву, смял в мощных своих руках, зарылся лицом, глазами, губами в роскошь её пышных волос, кусал сзади за шею, тербил мочку уха ...

— Ах ты жирная еврейская шлюха.

— Мужик неотёсанный, пропойца, свинья ты необрезанная, гой!

— Чёртова шлюха.

— Тупой недоучка. Вербальный паралитик. Ветеран безработный.

— Хочу сейчас.

— После дождика в четверг.

— Ну, ладно. Раз так — ладно. — Но она взяла верх. — Знаешь, твоя голова как раз в куче коровьего дерьма. Но тебе всё равно. Конечно, тебе безразлично. Ладно. Хорошо. Так где он там у тебя? Не могу его найти. Вот это? Это? Мама? Привет, мам, это Сильвия. Да. Слушай, мам, я не смогу приехать на Хануку. Да, да. Ну, потому что мой дружок — помнишь, Ихабод Игнац? — так вот, он взорвал аэропорт. Он тот ещё — оуууу! — орешек...

Он погрузился в неё. Она поглотила его. Ветры гуляли в жёлтых соснах, в трепещущих осинах, листья танцевали, журча, как крошечные водопады. Чирикание каких-то маленьких птичек, лай серой лисицы, свист шин по асфальтированному шоссе где-то вдалеке, все эти нормальные, умеренные, обычные звуки, — всё было смыто, сметено на грани мира, в отчаянном порыве страсти.

Вверх — вниз, через леса и луга, низины, ямы и блюдца волнистого ландшафта кавернозного известнякового плато (пористого, как губка, из-за бесконечных каверн), он вёл свой джип, всё на юг, на юг, к лесозаготовительным компаниям, их надеждам и страхам. Она уместилась позади него, наполовину на нём, и её длинные волосы развевались на ветру, как знамя.

Они остановились ещё раз у северной оконечности низины, именуемой Приятная долина, чтобы отредактировать и украсить официальный плакат Службы леса США. Плакат

изображал пресловутого медведя Смоки в натуральную величину, в рейнджерской шляпе, синих джинсах и с лопатой, и написано на нём было то же самое, что обычно пишут на таких плакатах: «Только Ты можешь предотвратить лесной пожар».

За краски — и к плакату. Добавив медведю жёлтые усы, они определённо подправили его невыразительную морду, а когда остатки красной краски были использованы, чтобы придать его глазам красноватый блеск, медведь стал похож на Роберта Редфорда в роли Санденса Кида. Бонни расстегнула медведю ширинку на джинсах, — фигурально говоря, — и пририсовала в паху обмякший половой член с волосатыми, но сморщенными яичками. К наставлению Смоки относительно пожарной безопасности Хейдьюк пририсовал звёздочку и сделал сноску: «Медведь Смоки — дерьмо» (потому что ведь всем известно, что большинство лесных пожаров вызывается этим бесплотным парообразным гоминоидом в небесах — Богом, искусно замаскированным под молнию).

Очень забавно. Впрочем, в 1968 году Конгресс Соединённых Штатов принял закон, по которому осквернение, искажение или иные изменения образа Медведя Смоки считается федеральным правонарушением. Зная это, Бонни потащила Хейдьюка обратно к джипу — и прочь оттуда, поскольку он непременно желал довести дело до конца и подвесить несчастного мишку за шею на ближайшем дереве, скажем, *Pinus ponderosa*.

— Хватит, — пояснила Бонни, и она была права, как всегда.

В четырёх милях к северу от входа в Район северного кряжа Национального парка Гранд каньон они подъехали к перекрёстку дорог, где стоял знак БЕРЕГИСЬ ГРУЗОВИКА. Здесь Хейдьюк свернул налево, на немощёную, но широкую дорогу, что вела на восток к лесу и новым приключениям.

На протяжении всех сорока четырёх миль, что они проехали от озера Джекоб, они до сих пор не видели ничего, кроме зелёных долин, кое-где украшенных стадами коров или оленей, а за и над ними росли осины, сосны, ели и пихты, представлявшие собою национальный народный лес — нетронутый и неприкосновенный. Фасад. За этим фальшивым фасадом всё ещё растущих деревьев — каймою девственной поросли с четверть милю в глубину, было подлинное назначение национального леса: лесохозяйственные фермы, плантации лесозаготовителей, местные фабрики лесоперерабатывающей промышленности, изготавливающей брус, доски, пульпу и фанеру.

Бонни была поражена. Прежде она никогда не видела сплошной вырубki леса.

— Что случилось с деревьями?

— Где ж тут деревья? — спросил Хейдьюк.

— Об этом я и спрашиваю.

Он остановил джип. В тишине они оглядывали сцену опустошения. На площади более четверти квадратной мили лес был полностью очищен от деревьев, — от каждого дерева, большого или маленького, здорового или поражённого болезнью, сеянца или древнего,

высохшего ствола. Не осталось ничего, кроме пней. Там, где были деревья, теперь были навалены гигантские кучи сучьев и сора, ожидающих зимы, когда их сожгут.

— Объясни мне, — потребовала Бонни. — Что здесь случилось?

Он попытался объяснить. Судьба Объясняющего нелегка.

При сплошной рубке, начал он, полностью сносят естественный, природный лес, — то, что на языке лесопромышленников называется «сорный лес», — и высаживают деревья одной единственной породы аккуратными прямыми функциональными рядами, как кукурузу, сорго, сахарную свёклу или другую сельскохозяйственную культуру. Затем в землю вгоняют массу химических удобрений, заменяющих естественный гумус, смываемый поверхностными водами, используют саженцы с гормонами — ускорителями роста, ограждают участок от оленей и получают урожай одинаковых деревьев, абсолютно идентичных. Когда деревья достигают определённой высоты (не зрелости — это требует слишком много времени), засылают комплекс лесоборочных машин и валят эти чёртовы ублюдки — все до одного. Потом сжигают хворост, сор, обрубки, вспахивают, удобряют, засевают всё сначала, снова, и снова, и снова, всё быстрее, и быстрее, и плотней, и плотней, пока, как сказочная малайзийская Концентрическая птица, летающая всё уменьшающимися концентрическими кругами, не исчезают в собственной заднице.

— Понятно?

— И да, и нет, — за исключением того, что, если это... — она помахала рукой, обводя окружающую их пустошь — я говорю, если всё это было национальным лесом — национальным лесом — то он принадлежал нам, верно?

— Неверно.

— Но ты сказал...

— Ты что, совсем ни черта не понимаешь? Чёртова нью-йоркская либеральная марксистка.

— Никакая я не либеральная марксистка, и не из Нью-Йорка.

Хейдьюк поехал дальше мимо пустоши. Хотя в Кайбабе оставалось уже мало природных лесов, всё же он выглядел более или менее как сплошной естественный лес. Рубки только начинались. Многое уже было потеряно, но многое ещё оставалось, — хотя многое уже было потеряно.

Бонни спросила, всё ещё сильно встревоженная: «Но они нам платят за наши деревья, верно?»

— Конечно, лесозаготовители участвуют в торгах за право валить лес на данном участке. Кто предложит самую высокую цену, — выписывает чек на имя Казначейства США. Служба леса берёт эти деньги — наши деньги — и тратит их на строительство новых трелёвочных дорог, таких, как вот эта, обустроенных и спланированных для того, чтобы им было удобно

вывозить отсюда лес и поглядеть, сколько оленей, бурундуков и туристов они могут при этом убить. Олень — десять очков, бурундук — пять, турист — одно очко.

— А где лесорубы сейчас?

— Воскресенье. У них выходной.

— Но Америке же нужна деловая древесина. Людям нужно какое-нибудь жильё.

— Это верно, — ответил он раздражённо. — Людям нужно жильё. Так пусть строят свои дома из камня, ради Бога, или из глины и палок, как папуасы. Из кирпича или шлакоблоков. Из упаковочных ящиков или жестянок из-под Каро, как мои друзья в Дак Тхо. Пусть строят дома, что смогут простоять какое-то время, ну, скажем, сто лет, как хижина моего прадеда у нас в Пенсильвании. Тогда нам не нужно будет уничтожать леса.

— Всё, что тебе нужно — это антииндустриальная революция, только и всего.

— Точно. Только и всего.

— Как же ты предлагаешь её осуществить?

Хейдьюк задумался над этим вопросом. Хорошо бы, чтобы здесь был док. Его собственные мозги работали, как осадок в отстойнике в ветреный день. Как рябь на пруду. Как проза Председателя Мао. В его саботаже было много ярости, но мало ума. А джип тем временем углублялся всё дальше в Национальный лес Кайбаб и всё ближе к вечеру. Капли смолы выступали на сосновых стволах в пыльном солнечном свете, пели дрозды-отшельники, а над ними всё небо расцветало красками заката — голубой с позолотой.

Хейдьюк думал. Наконец пришла идея. Он сказал: — Моя работа — спасти эту чёртову дикую природу. Я не знаю больше ничего такого, что стоило бы спасти. Это просто, верно?

— Простачок.

— Мне и так хорошо.

Они добрались до разработок, которые искал Хейдьюк. Это была незавершённая сплошная вырубка, вся рабочая техника стояла вокруг, без дела, в вечерних сумерках. Бульдозеры, погрузчики, танкеры, трелёвщики, все машины застыли в ожидании, кроме грузовиков, сделавших последнюю ходку на лесопильный завод в Фредонии в пятницу вечером.

— А где сторож?

— Их здесь не будет. Они для нас не придут.

— Если ты не против, я бы хотела убедиться.

— Давай.

Хейдьюк остановил свой джип, вышел, закрепил втулку и перевёл его на четыре ведущих колеса. Они ехали вверх и вниз по трелёвочным трассам, по грязи и сору, вокруг уложенных брёвен и куч отходов, через многие акры изуродованных пней. Бойня, резня — ни одного живого дерева на площади в двести акров.

Они нашли контору участка — небольшой передвижной домик, запертый и неосвещённый: никого нет дома. КОРПОРАЦИЯ ДЖОРДЖИЯ ПАСИФИК, СИЭТТЛЕ, ВАШИНГТОН, гласила жестяная табличка на двери. Похоже, ребята работают далеко от дома, подумал Хейдьюк.

Он вышел. Постучал в запертую дверь, погромел висячим замком. Никто не отвечал; ничто не отвечало. Стрекотала белка, голубая сойка взлетела с дерева в лесу за вырубкой; однако поблизости всё было тихо. Даже ветер прекратился, и лес стоял неподвижно, как и мёртвая зона, окружавшая его. Бонни думала о Путнике. Скажи им, что он вернулся. Скажи им, что он вспомнил, и т. д. Хейдьюк вернулся.

— Ну?

— Я ж тебе говорил. Здесь никого нет. Все уехали в город на уикэнд.

Она обернулась, глядя через поле битвы на инертные сейчас, но мощные машины, стоящие совсем рядом, на беззащитные деревья за вырубкой. И снова на машины.

— Здесь оборудования, наверное, на миллион долларов.

Хейдьюк осмотрел расположение машин оценивающим взглядом.

— Около двух с половиной миллионов, — сказал он. Оба подумали одно и то же. Помолчали.

— Что будем делать? — спросила она, вздрогнув от вечерней прохлады.

Он усмехнулся, обнажив клыки, блеснувшие в сумерках. Взметнулись большие кулаки большими пальцами вверх. «Время выполнять наши обязанности».

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:05:52

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:06:12